

Содержание

Часть I

Теория смерти

Глава 1	
Культура смерти.....	7
Глава 2	
Психология смерти.....	78

Часть II

Принятие смерти. Практика

Глава 1	
Как жить с пониманием своей смертности.....	147
Глава 2	
Как подготовиться к смерти.....	186
Заключение.....	226
Благодарности.....	227
Примечания.....	228

Часть I

Теория смерти

ГЛАВА I

Культура смерти

Мария Рамзаева

Вступление

Первое, что бы вы увидели, зайдя в мой дом детства, — алтарь, посвященный родителям. Белая скатерть, лампада у фотографии, с которой смотрят мрачные молодые люди, свежие цветы, иконы.

Когда мне было 11, мы попали в автокатастрофу, и родители погибли. Опекуны — бабушка с дедушкой — так и не смогли смириться со смертью дочери, и каждый день год за годом мы заново переживали смерть.

В памяти сохранилось больше воспоминаний о мертвых родителях, чем о живых.

Каждый день я проходила мимо их траурной фотографии — единственной, где они выглядели мрачно, совсем не такими, как в жизни.

Каждую неделю по просьбе бабушки покупала цветы, чтобы поставить у алтаря.

Каждый сезон ездила на кладбище, чтобы ухаживать вместе с тетей за могилами родителей.

Каждый год пышными поминками отмечала дни их смерти — они умерли с разницей в три дня, — и на каждый из этих дней устраивалось масштабное застолье, приходили десятки родственников и друзей.

Все во мне, подростке, бунтовало против царства смерти; я хотела жить, но не знала, что можно по-другому, и чувствовала вину. Будто, если я перестану каждую секунду думать о смерти родителей, моя любовь к ним исчезнет.

Меня научили, что есть единственный правильный и естественный способ переживать смерть близких — полностью отдалиться ей, отрешиться от жизни, по сути умереть вместе с ними, как делали в некоторых языческих традициях. Но это иллюзия.

Нам часто кажется, что существует единственно правильный способ прожить жизнь — и организовать смерть. Однако само понятие правильной жизни (и правильной смерти) менялось на протяжении времени и в разных уголках света до сих пор остается различным.

В исламе сожжение тела считается большим грехом, а в Индии самые почетные похороны — кремация и развеивание праха над Гангом. Оставить тело на растерзание птицам — ужасное проклятие для христианина, в Тибете же тысячи лет практикуют «небесные похороны», при которых специальный человек — рогьяпа — разрубает тело на куски и скармливает его грифам¹.

И, вероятно, как нас сейчас ужаснули бы наваленные друг на друга тела в могилах простолюдинов в Средневековье, наших потомков будут возмущать или удивлять наши ритуалы.

Когда мы с Еленой Фоер задумывали эту книгу, я решила, что разделю первую главу на три части: прошлое, настоящее, будущее. В реальности все «типы смертей», о которых пойдет речь, присутствуют в современной культуре.

У разных культур существуют свои особенности, и мое разделение будет, конечно, условным. Перемены не происходят мгновенно, а в каждом «типе смерти» есть что-то от других. И хотя я постаралась рассказать о различных удивительных культурах, речь в основном пойдет о Европе и особенно о России.

Наверняка какие-то подходы и ритуалы покажутся вам дикими, какие-то — близкими и понятными. Когда мне было 11, я не знала, что горевать можно по-разному, мои опекуны научили меня лишь одному «типу смерти». Я расскажу о трех, и, возможно, вы найдете традицию, которая окажется близкой вам.

Традиционная смерть

Мне было семь, когда я впервые увидела мертвого человека. Дряхлая, будто иссушенная женщина лежала в открытом гробу в повозке, а я сидела рядом. Лошадь шла медленно, путь до кладбища был долгий, и я, словно загипнотизированная, смотрела в мертвое лицо и чувствовала... смущение. Изо всех сил семилетняя я пыталась найти внутри себя грусть, но ее не было: впервые я увидела эту женщину, уже когда она была мертва. Я даже не знала ее имени! Но это было неважно.

На похороны собралась вся деревня, а поскольку я гостила у живших там родственников, то взяли и меня. Никому не пришло в голову, что похороны незнакомой женщины не лучшее место для ребенка, никого не смущало, что я сидела вплотную к мертвецу. Смерть для них была естественным продолжением жизни, которое не прятали от детей. Ни когда убивали кролика для супа, ни когда шли хоронить соседку-старушку.

Традиционный подход к смерти возник в культуре в архаические времена и оставался доминирующим в Средневековье². Традиционная смерть — смерть близкая, естественная для всех и потому нестрашная. Растения, птицы, животные — все в свое время умрут; умрем и мы, это нормально, и нет никакого смысла слишком много об этом думать. Таков был подход к смерти, таким он и остается, особенно в деревнях. «Не пыжились они, не отбивались, не хвастали, что не умрут, — вспоминает герой Солженицына в «Раковом корпусе», — все они принимали смерть спокойно. Не только не оттягивали расчет, а готовились потихоньку и загодя, назначали, кому кобыла, кому жеребенок, кому зипун, кому сапоги. И отходили облегченно, будто просто перебирались в другую избу. И никого из них нельзя было бы напугать раком»³.

В традиционном подходе люди умирали спокойно и, второй важный момент, публично. Смерть не являлась личным делом конкретной семьи, в ней участвовали все родственники, вся община. Когда человек понимал, что умирает, он начинал готовиться, спокойно и прямо обсуждал свою близкую смерть, отдавал распоряжения и указания, прощался с родными, друзьями, соседями.

Немыслима была ситуация, частая в современном обществе, когда мы даже не узнаём о смерти троюродной тетушки или четвероюродного брата. В традиционных обществах у постели умирающего собирались все. Историк Филипп Арьес приводит пример из жизни Франции XIX в., когда прохожая, услышав, что причащают умирающего священника, посчитала совершенно естественным и почти необходимым зайти к нему, пусть они и незнакомы⁴. Так и для моих родственников было правильным (и даже не вызывающим вопросов) взять меня на похороны незнакомой старушки.

В традиционном подходе не закрываются от смерти, не пытаются сделать вид, будто никогда не умрут, но при этом и не думают о ней слишком долго, как не думают люди о воздухе, который всегда вокруг.

«Хорошая» и «плохая» смерть

В Средневековье смерть могла наступить в любой момент: нестрашные сейчас болезни были способны за считанные дни унести еще недавно здорового человека. Такая смерть была обыденной и не становилась трагедией, к ней относились спокойно: на все воля Божья, значит, судьба у человека такая. И эта концепция судьбы или, у восточных славян, доли имела большое значение для определения «хорошей» и «плохой» смерти. Понятие судьбы-доли как будто бы не совсем христианское: а как же свобода выбора, которая дарована Богом человеку? Но в этом была важная особенность традиционного подхода. Зародившийся еще до повсеместного распространения христианства, он впитал множество языческих верований и суеверий, сплетя их с новой религией.

Древнеславянское понятие доли — предопределенного набора обстоятельств и событий, уготованных человеку, — осталось и с приходом православия. Считалось, что долей, в которую входили также здоровье и срок жизни, люди наделялись при рождении. И именно она определяла, насколько человек будет счастлив и богат, какие дела у него пойдут, а за какие не стоит браться и, конечно, как именно и когда он умрет⁵.

«Хорошая» смерть

«Хорошей» считалась смерть, когда человек до конца прожил свою судьбу-долю. В лучшем случае это была естественная смерть в старости, в окружении детей и внуков. Часто ее можно было предвидеть: непосредственно перед ней бывали предчувствия и видения — во сне или наяву. Согласно традиционным представлениям, мертвые всегда находились рядом, за невидимой завесой, а для того, кто оказывался на краю смерти, эта завеса приоткрывалась. Явление мертвых не вызывало страха, оно служило сигналом, что пришел твой срок и пора завершать земные дела⁶.

До сих пор в российских селах и деревнях популярны былички о людях, чаще стариках и старухах, предвидевших свою смерть. Они начинают собираться, раздают указания насчет имущества, готовят одежду, памятные и полезные предметы (например, сигареты, спички), деньги — все, что хотят, чтобы положили к ним в гроб. Закончив приготовления, старики умирают со спокойной душой⁷.

Близкий к смерти человек может начать видеть потусторонний мир, который как бы просвечивает через обыденный. Так, в одной из быличек старик начинает видеть несуществующие объекты и мертвых друзей, зовущих его на лесозаготовки. Он соглашается, но они его останавливают — еще не время. Проходит несколько дней, и наконец эти друзья разрешают ему отправиться с ними на лесозаготовки, и старик умирает⁸.

Два мотива из этой былички часто повторяются и в других. На тот свет, как правило, зовут близкие люди — умершие родственники, родители, мужья и жены или друзья, коллеги. Причем их приглашения всегда завуалированы: пойти на заработки, сменить работу, переехать жить в дом умершего родственника. Если человек соглашается, то вскоре

умирает. Однако если откажется, то может отменить или хотя бы отсрочить приговор⁹.

Иногда завеса приоткрывается для родственников. Так, в одной из быличек жена видит сон, в котором муж ужинает со старухой-смертью, и вскоре муж погибает¹⁰.

Подобные же мотивы были распространены и в Европе, причем тоже выходили далеко за период Средневековья. Арьес приводит историю госпожи де Рерт, жившей в начале XVIII в. Несмотря на хорошее здоровье, она сама подготовила свои похороны, приказала убрать дом черным, заказала мессы за упокой, решила все свои дела и умерла ровно в то время, в которое ожидала пришествия смерти¹¹.

Такая смерть, к которой можно было подготовиться, считалась «хорошей», и покойников, умерших «хорошей» смертью, не боялись. Наоборот, они пополняли ряды потусторонних защитников, у которых просили заступничества и помощи¹².

Совсем иначе дело обстояло с «плохими» покойниками, попасть в список которых было не так уж и сложно.

«Плохая» смерть

По понятным причинам в Средневековье дожить до преклонных лет считалось завидной участью. Однако, если человек слишком уж долго не умирал, это начинало казаться подозрительным и считалось нехорошим признаком. Человек как бы переживал свою судьбу-долю, жил дольше положенного срока, что было неестественно. Так, по народным поверьям восточных славян, те, кто чудесным образом выздоравливал или доживал до глубокой старости, делали это не благодаря крепкому здоровью, а потому, что забирали жизнь у других. Такие старожилы были опасны для окружающих,

их сторонились и часто подозревали в сделках с чертом и в колдовстве¹³.

Много хуже, чем пережить свою судьбу, было свою судьбу не прожить. Сейчас часто мечтают умереть внезапно, даже не заметив этого, в Средневековье же смерть раньше срока, тем более неожиданная, была низкой и навлекала проклятие — делала покойника «плохим». Неважно, был ли человек «виновен» в смерти (совершил самоубийство, был казнен за преступления) или умер от несчастного случая, — проклятие падало на всех, включая младенцев¹⁴.

Европейское духовенство пыталось бороться с таким пришедшим еще из язычества отношением. Так, в XIII в. епископ Мендский Гийом Дюран писал, что скоропостижная смерть — это смерть по воле Бога, она не должна считаться проклятием, и умерших нужно хоронить по христианским обычаям. Однако он все равно разделяет «позорную» внезапную смерть и «непозорную». Если покойный был застигнут смертью во время игры в мяч или шары, похороны на кладбище еще допускались, а вот для умерших от порчи, во время секса или кражи — уже нет. А в том же XIII в. в Венгрии умерших насильственной смертью можно было похоронить только после того, как отдашь марку серебра духовенству, и лишь в конце XIII в. этот налог перестали взимать с семей погибших при пожаре, в результате падения или стихийных бедствий, если можно было предположить, что погибшие покаялись перед смертью¹⁵.

Таким образом, «плохость» внезапной смерти определялась обстоятельствами, при которых она произошла, и поведением умершего прямо перед кончиной. И самой позорной смертью из всех считалась казнь. У приговоренных к ней не было шансов на спасение: в Европе вплоть до XIV в. к ним даже не пускали священников, чтобы преступники не могли покаяться¹⁶.

Заложные покойники

Умершие «плохой» смертью, а также те, кто занимался магией, общался с нечистой силой, был проклят или оставил незавершенные дела, по народным верованиям, становились «неправильными» покойниками, опасными для живых. В славянской традиции их называли заложными покойниками¹⁷, в Европе для их обозначения использовалось латинское слово *imblocati*¹⁸.

Заложные покойники, поскольку они не прожили свою долю, не могли перейти в иной мир и продолжали «ходить» в нашем. Само по себе появление мертвых неудивительно для традиционного подхода, однако возвращаться они должны были в определенные дни и на определенных условиях¹⁹. Заложные же покойники могли явиться в любое время вне зависимости от воли живых и становились сосудом для нечистой силы или превращались в упырей, русалок, мелких демонов²⁰.

Заложных покойников нельзя было хоронить, чтобы не прогневать землю или Бога. Считалось, что на нарушивших запрет насылаются различные беды: заморозки, засуха, ураган. Природа как бы отвергала «нечистых» покойников, и часто их не закапывали, а уносили подальше от людей, в болото, овраг, и засыпали там листвой и мхом или заваливали камнями²¹. Несмотря на все старания церкви, противившейся суевериям, в России эта традиция сохранялась вплоть до XX в. Елена Левкиевская рассказывает, что в 1873 г., чтобы справиться с засухой, крестьяне Самарской губернии выкопали трупы предполагаемых колдунов²².

С развитием городов становилось все сложнее найти поблизости подходящее болото или овраг, поэтому в народе придумывали новые способы погребения заложных покойников. Самый распространенный и одобряемый церковью

способ — хоронить «плохих» мертвецов в стороне от «хороших», за кладбищенской оградой. На Руси для этого отводилось специальное место вблизи городов — убогие, то есть божьи, дома. На небольшом участке земли выкапывалась яма, в которую сваливали «нехороших» мертвецов, где они оставались вплоть до Семика — четверга седьмой недели после Пасхи. Тогда священники служили общую панихиду, после чего яму засыпали и рыли рядом новую. Убогие дома были запрещены лишь Екатериной II в конце XVIII в., а в провинции существовали до начала XX в.²³

Спасение от «плохих» мертвецов

«Неправильные» покойники различались по степени опасности для живых. И ритуалы их изгнания были разными в зависимости от степени «плохости» и причин проклятия²⁴.

Самыми нестрашными были те, кого что-то удерживало в нашем мире: незавершенные дела, дискомфорт на том свете или люди, которые их не отпускали. Как правило, такие мертвецы не причиняли вреда живым, если не считать того, что настойчиво появлялись по ночам и требовали исправить ситуацию.

Чтобы помочь мертвецу упокоиться, нужно было выполнить его просьбу, которая обычно выражалась достаточно конкретно. Например, покойница могла прийти к родственнику, похоронившему ее в неудобной обуви, пожаловаться, что на том свете тяжело ходить на каблуках, и попросить прислать новую²⁵. Сделать это было достаточно просто. Нужно было взять подходящую обувь и положить ее в гроб с другим недавно умершим. После похорон мертвец перейдет на ту сторону и передаст посылку, тогда покойница успокоится и перестанет приходить к живым. Менее

распространенный, но более простой вариант — закопать обувь рядом с могилой²⁶.

В случае с незавершенными делами нужно было их закончить за мертвеца: отдать долг соседу, дописать отчет, достроить дом и т.д. Иногда это могли быть не проведенные по всем правилам похороны или невыполненная последняя воля. Если родственники умершего не справили поминки, похоронили не в той одежде или не с теми вещами, о которых просил покойник, он являлся и требовал своего²⁷.

Вредно было чрезмерно оплакивать умершего. Так, по славянским представлениям, слишком сильное горе придавливает покойника на том свете, не дает наслаждаться посмертным существованием.

В одной быличке рассказывается, что после смерти мать не могла успокоиться и все оплакивала погибшую дочь. С помощью священника мать проникла в церковь накануне поминального дня и увидела свою дочку, таскающую тяжелые ведра с водой. Это оказались слезы матери, которые дочь вынуждена была носить на том свете²⁸.

Но по-настоящему опасным считалось, если живые убиваются по «плохому» покойнику — умершему до срока. Как мы помним, ему не удастся полноценно уйти в иной мир, поскольку он не прожил жизнь до конца и может захотеть вернуться домой или же попытается утащить горюющего по нему на тот свет. В обоих случаях важно перестать излишне горевать о покойнике и отпустить его²⁹.

Сложнее дело обстоит с более «плохими» мертвецами: казненными преступниками, «опойцами» (то есть умершими от пьянства), утопленниками и повешенными (последние считались «наихудшими»). По многим поверьям, в их тела вселяется нечистая сила, и, когда покойники приходят к родственникам или друзьям, это уже не они, а черти.

Особенно частый мотив — возвращение мужа с того света. Он может приходить ночью, помогать по хозяйству, ухаживать за скотом. С ним даже получится завести ребенка, но это будет не обычный младенец, а будущий колдун, ведьма или демон. Для женщины же такие посещения рано или поздно закончатся смертью: явившийся с того света муж высосет из нее жизнь либо утащит с собой в могилу³⁰.

Заложные покойники могли также превратиться в упырей или вампиров. Часто, по поверьям, это происходило с колдунами и ведьмами, которые еще при жизни отдали душу дьяволу³¹.

Чтобы заложные покойники не ходили и не причиняли вреда, существовал ряд приемов. Они отличались в зависимости от местности и причин смерти. Согласно восточнославянским верованиям, если заложного покойника все-таки похоронили, тем более на кладбище, и это вызвало засуху, можно было исправить ситуацию, напоив его. Для этого нужно было раскопать могилу и заполнить ее водой или хотя бы полить сверху могильную землю³².

Чтобы избежать хождения покойников, славяне их всячески запутывали во время похорон. Для этого разбирали стену дома и выносили гроб через образовавшееся отверстие, несли покойника ногами вперед (этот обычай сохранился до сих пор и связан с тем, что так мертвец не увидит, откуда его выносят), несли к кладбищу запутанной, окруженной дорогой, клали в гроб лицом вниз и т.д.

Похожим образом поступали и в Европе: так, в Италии в археологическом комплексе Сан-Калосеро в Альбенге были найдены средневековые останки предполагаемых ведьм, которых хоронили лицом вниз, чтобы те не могли выбраться из могилы³³.

Если же покойник все равно начал ходить, проще всего было физически помешать ему это делать. Для этого применялись различные приемы, от простых (связать труп ноги) до радикальных. Так, в Европе и России «плохих» покойников выкапывали и расчленили. Например, йоркширский монах XII в. описывает, как в Бервике по ночам бродил оживший мертвец, похороненный недавно преступник, и, чтобы его хождения прекратились, пришлось его выкопать, расчленив и сжечь³⁴. А еще в начале XX в. в России нередко были случаи, когда в сельской местности выкапывали «плохих» покойников и отрубали им ноги. В 1913 г. в Саратовской губернии крестьяне отрезали ноги у трупа пьяницы, чтобы тот перестал катать на себе чертей и являться к односельчанам³⁵. Однако важно было удостовериться, что подобные приемы применяются только для «плохих» мертвецов: «хорошего» это бы обрекло на бездвиженность на том свете³⁶.

Самым же универсальным и распространенным в Европе и России методом борьбы с ходячими мертвецами было воткнуть осиновый кол в сердце (наиболее эффективно против упырей и колдунов) и сжечь тело. Так поступали, когда другие методы оказывались неэффективны, или заранее, когда слишком боялись покойника³⁷.

Загробная жизнь

Спокойное принятие смерти в традиционном подходе связано не только с ее близостью, но и с тем, что люди точно знали: окончание земной жизни — это не завершение жизни вообще. Земная жизнь полна страданий: тяжелый труд, болезни, войны, голод, тогда как на том свете тебя ожидает благоденствие и награда за благочестивую жизнь.

Несмотря на христианские догмы, идея наказания и последующего ада с мучающими грешников чертами не была распространена среди простого населения, придерживающегося традиционного подхода к смерти. Для них Страшный суд был отложенным на неопределенный срок событием, которое произойдет лишь со вторым пришествием Иисуса Христа³⁸. И поэтому, с их точки зрения, после смерти человеку ничто не угрожало, если не считать возможности стать заложным покойником.

У славян и у некоторых других народов переход в иной мир был переходом в прямом смысле: душе до того мира нужно было еще добраться, преодолев препятствия. Какие именно — зависело от верований конкретного народа. Часто покойнику нужно было переплыть реку или другой водоем, и здесь встречался мотив проводника-переправщика — от Харона в древнегреческой мифологии до святого Николая у восточных славян³⁹. Другой путь на тот свет — перейти по тонкой нити над обрывом или огненной рекой, и, если груз грехов слишком велик, можно и упасть⁴⁰.

Интересно представление славян о том, что на тот свет нужно забираться по гладкой хрустальной горе и повезло тому, кто при жизни не выбрасывал состриженные ногти: они прирастут и помогут влезть на гору. В противном случае придется возвращаться в мир живых и искать их⁴¹.

Оставшиеся в нашем мире всячески помогали душе благополучно добраться в новый мир и не застрять в старом. Так, во время выноса покойника открывали все окна и двери, чтобы душе было легче улететь. Но едва тело увозили, двери и окна закрывались, в доме мыли пол, чтобы «смыть» для покойника дорогу обратно, а связанные с ним вещи (посуду, постельное белье, на котором он умер) выбрасывали на улицу⁴².

В традиционном подходе сталкивались два представления о жизни после смерти. В первом она очень похожа на обычную жизнь. В ней у человека также был дом, потребность в пище и одежде, социальные связи⁴³. Посмертное существование во многом зависело от того, как, в чем и с чем похоронят человека. Уже упоминались рассказы о жалобах мертвецов на неподходящую обувь, и это было частым мотивом. Красивая, но неудобная одежда и обувь мешала славянскому мертвецу добраться до того света. Еще хуже, если похоронили в ветхой и прохудившейся: если даже она не рассыплется по дороге, другие покойники засмеют⁴⁴. Иногда, чтобы порадовать мертвеца на том свете, ему в гроб клали любимые вещи и деньги — для паромщика или как способ «застолбить» могилу⁴⁵.

Сам «тот свет» выглядел по-разному. Так, в славянской традиции были распространены рассказы о потустороннем мире как о прекрасном городе, монастыре или дворце. Каждое здание было построено на славу, а люди с удовольствием занимались привычными делами, не испытывая при этом усталости и боли, или пировали и наслаждались яствами. Иногда это было неопишное пространство, полное света и радости⁴⁶.

Однако наиболее часто в народных верованиях, европейских и славянских, тот свет представлял прекрасным вечнозеленым садом, в котором все живут в мире и благополучии. В нем нет болезней, горя и страданий, люди наслаждаются жизнью и пребывают в вечном блаженстве⁴⁷.

Славяне верили в тесную связь между привычным миром и загробной жизнью. Например, на том свете души часто вкушали поминальную еду. На то, как будет питаться человек после смерти, влияло и его поведение и благосостояние в прежней жизни. Однако представления об этом разнились.

Некоторые считали, что богат и сыт будет тот, кто подавал много милостыни. Другие же верили в имущественное расслоение и на том свете: богатый останется богатым, а бедный — бедным⁴⁸. В соответствии со вторым представлением после смерти люди попадали в антипод жизни: место без времени, света и звуков. Там они не живут, а находятся в состоянии, близком сну, или в полноценном сне. Таково представление, например, древних греков и римлян. Загробный мир — место приносящей сон ночи⁴⁹, а души умерших — не полноценные мыслящие существа, а тени⁵⁰.

Похожая концепция была распространена в средневековой Европе. Мертвые засыпали до второго пришествия, когда все, кроме страшных грешников, должны были пробудиться и войти в Царствие Небесное. Так же, как и языческие мертвецы, они не ощущают хода времени и проснутся, будто только вчера умерли⁵¹. В легенде о семи отроках Эфесских Господь, чтобы посрамить еретиков, не верящих в возможность воскрешения, оживляет христианских мучеников, замурованных 200 лет назад. Они пробуждаются, словно ото сна, и поражаются изменениям: ведь, по их ощущениям, не пришло и дня⁵².

В России подобное представление о посмертном существовании сохранялось еще в XIX в. В отдельных местах, в основном в деревнях, верили, что после смерти души попадают в некую пустошь, в которой ожидают Страшного суда. Там нет ни мучений, ни радостей — своеобразный аналог царства Аида⁵³.

Как правило, в головах людей уживались оба традиционных представления о посмертии. Прекрасный город того света часто становился местом, в котором души отдыхали после смерти, ожидая второго пришествия, а мертвецы спали в вечнозеленом саду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru